

ЛАРИСА АРЖАКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

РУССКИЙ ИСТОРИК А. Л. ПОГОДИН ОБ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ И ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ

**Russian historian A. L. Pogodin
about Polish history and Polish question**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. Л. Погодин, русская историческая полонистика, история Польши, польский вопрос, русско-польские отношения

KEYWORDS: A. L. Pogodin, Russian historical Polish studies, history of Poland, Polish question, Russian-Polish relations

АБСТРАКТ: The subjects of the study are works of A. L. Pogodin devoted to the history of Poland, reflected perception of the Polish question by the Russian society. Studying of his polonistic heritage allows us to speak with more confidence about the statement of the Russian historical polonistic in the first quarter of the 20th century, considering that, this problem remains until today debatable and demands amendments. Pogodin's works have been analyzed from the point of view of both the essence and evolution of the Polish question, as well as those significant changes that occurred not only in the field of historical science, studying the history of Poland, but also the visions of the Russian society on Poland. This study gave the chance to come closer to understanding the Pogodin's information code in his historical works, which allowing to shake basement of the Russian historical tradition concerning the Polish history of the 19th century.

Изучение творческого наследия русских историков XIX – первой трети XX вв., внесших заметный вклад в научную разработку истории Польши, по-прежнему остается одной из значимых проблем отечественной исторической полонистики. Актуальность заявленной проблематики обусловлена, в частности, необходимостью подтвердить либо опровергнуть тезис, согласно которому русское славяноведение в начале XX в. вышло «на мировой уровень» (Лаптева 2005, 10). Учитывая состояние стагнации, в которое погрузилась в эти годы историческая полонистика, незадолго до того занимавшая в отечественном славяноведении лидирующие позиции, данный тезис представляется, по крайней мере, дискуссионным. Вместе с тем, нельзя не признать, что как раз в это время на ниве исторической полонистики стал активно себя проявлять Александр Львович Погодин (1872–1947) (Славяноведение 1979, 271–272; Славяноведение 1988, 336–337). Славист широкого профиля, он успешно продолжил

традиции изучения истории Польши в России, заложенные его старшими современниками – Н. И. Кареевым¹ и Н. Н. Любовичем², с трудами которых связаны высшие достижения российской исторической полонистики в 1880-е – начале 1890-х гг. (Аржакова 2010а, 54).

Получив степень доктора славянской филологии в бытность профессором императорского Варшавского университета (1902–1908), Погодин вскоре проявил себя мастером обобщающих трудов по славянской истории (Погодин 1909а; Погодин 1909б; Погодин 1910; Погодин 1915б; Погодин 1915с). В эмигрантский период своей научной деятельности (последовавший за плодотворным десятилетием профессорства в Харьковском университете), который в последнее время вызывает живой исследовательский интерес (Косик 2009, 32; Павлова 2010, 40-41; Успенская 2012), Погодин, главным образом, занимался историей русской литературы и русско-сербских литературных контактов (Пашуто 1992, 17; Аксенова 1995; Успенская 2012, 149–160; Ковальчук 2016), как и прежде, великолепно демонстрируя широту своего научного кругозора.

Подробный историографический очерк об этапах изучения жизни и творчества Погодина, составленный авторитетным знатоком истории российского славяноведения Людмилой Павловной Лаптевой (1926–2016), содержит даже самые краткие упоминания о нем в словарях и энциклопедиях (Лаптева 2012, 426–438). Не будет большим преувеличением сказать, что именно Лаптевой – подхватившей эстафету А. В. Соловьева, В. Бортновского, Ф. Селицкого (Соловьев 1958; Bortnowski 1963; Bortnowski 1980; Sielicki 1978) – принадлежит основная заслуга в исследовании и популяризации научного наследия Погодина (Лаптева 2010; Лаптева 2011; Лаптева 2012; Лаптева 2015).

¹ Кареев Николай Иванович (1851–1931) – историк, социолог. Специалист по всеобщей истории (в частности, французской), по методологии истории, социологии. Выпускник Московского университета (1873), профессор Варшавского (1879–1885) университета, преподаватель Императорского Александровского лицея (1885–1907) и Высших Женских курсов (1906–1919) в Петербурге, профессор Петербургского университета (1885–1889 и с 1907) и профессор Политехнического института в Петербурге (1902–1914). Член-корреспондент Краковской Академии наук (1903), член-корреспондент Российской академии наук (1910), почетный член Академии наук СССР (1929). Основные труды по истории Польши: Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше (Москва, 1886), Исторический очерк польского сейма (Москва, 1888), «Падение Польши» в исторической литературе (Санкт-Петербург, 1888), Польские реформы XVIII века (Санкт-Петербург, 1890), *Polonica*. Сборник статей по польским делам (1881–1905) (Санкт-Петербург, 1905). Подробнее см.: Славяноведение 1979, 174–175; Кареев 1990.

² Любович Николай Николаевич (1855–1935) – историк. Специалист по всеобщей истории. Выпускник Киевского университета (1877), доцент (1880), экстраординарный (1883) и ординарный (1890) профессор Варшавского университета (до 1915), профессор Ростовского (Северо-Кавказского) университета (1915–1929). Член-корреспондент Академии наук СССР (1924). Главные труды по истории Польши: История Реформации в Польше: Кальвинисты и антиринитарии (Варшава, 1883), Начало католической реакции и упадок реформации в Польше (Варшава, 1990). Подробнее см.: Славяноведение 1979, 227–228; Иванов 2007, 168–190.

Несмотря на то, что еще в 1979 г. было отмечено, что «особенно ценны труды Погодина по польской истории» (Славяноведение 1979, 271), вплоть до настоящего времени они редко становятся предметом специальных изысканий. Хотя с появлением в 1981 г. работы В. А. Дьякова³ ситуация начала меняться к лучшему (Дьяков 1981), постепенно был заложен фундамент в изучении полонистического наследия Погодина. Однако польские труды Погодина, позволяющие оценить не только уровень разработанности истории Польши в русской историографии, но и расширить представление о восприятии польского вопроса, характерном для русского общества, нуждаются в дальнейшем исследовании.

В данной статье внимание главным образом сосредоточено на трактовках и спорных моментах, связанных с наиболее значительными монографиями Погодина – «Главные течения польской политической мысли (1863–1907)» (1907) и «История польского народа в XIX веке» (1915а).

По словам Лаптевой, крупнейшим исследованием Погодина по истории Польши являются «Главные течения польской политической мысли (1863–1907)» (Лаптева 2011, 32; Лаптева 2012, 447). Столь высокая оценка монографии несколько теряет в весе, когда выясняется, что исследовательница делает акцент на объеме книги, подчеркивая, что она составляет без малого 700 страниц (если точнее, 662). Хотя Лаптева, разумеется, отмечает и трудоемкость проделанной историком работы по сбору и анализу поистине впечатляющего количества важнейших источников (Лаптева 2012, 447; Лаптева 2015, 170). Говоря об уникальности Погодинского труда, Лаптева приводит мнение одного из рецензентов, откликнувшегося на издание «Главных течений...» такими словами: «Редко когда русский ученый займется изучением польской истории и еще реже занимаются серьезно современной польской жизнью наши политики и социологи. Книга проф. Варшавского университета А. Л. Погодина одно из таких редких исключений» (Лаптева 2012, 448). Вызывает недоумение, что

³ Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995) – историк-славист, археолог. Выпускник Московского государственного историко-архивного института (1947), сотрудник Института славяноведения Академии наук СССР (Российской академии наук) (1960–1995). Составитель и редактор отдельных томов (1960–1986), с 1978 г. – руководитель советской части редколлегии серии «Восстание 1863 г.: материалы и документы». Вице-председатель советской части Комиссии историков СССР – ПНР (затем Комиссия историков России и Польши), руководитель советской (российской) части редколлегии серии «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х XIX в. Исследования и материалы» (с 1986 г. – «Польское общественное движение и российско-польские общественно-культурные связи. Исследования и материалы»), иностранный член Польской академии наук (1994). Среди основных трудов: Ярослав Домбровский (Москва, 1969), Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890) (Москва, 1972), Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России (Москва, 1993). Подробнее см.: Робинсон 1996.

спорное – в первой своей части – суждение рецензента А. Н. Сиротинина⁴ было оставлено Лаптевой без комментария. Ведь похвальный отзыв о работе Погодина вряд ли был способен заслонить упрек, брошенный остальным русским ученым. Трудно представить, чтобы Сиротинин, гимназический учитель русского языка в Варшаве, не был хотя бы слышан о солидных трудах по истории Польши, созданных профессорами Варшавского университета Кареевым и Любовичем. Тем не менее, он пожелал представить Погодина едва ли ни единственным, кто из его коллег по цеху проявил неподдельный интерес к польской истории и современным польским делам.

Дьяков в свое время также определил монографию Погодина 1907 г. как «крупнейшую» из его работ по истории Польши (Дьяков 1981, 155). При этом и Дьяков, и Лаптева предпочли остановиться на освещении отмеченных Погодиным черт каждого из польских политических течений, оставив в стороне представленную в первой главе монографии содержательную характеристику бытовавших в ходе и после восстания 1863 г. настроений в польском и русском обществе (Погодин 1907, 1–86). Специального внимания, на наш взгляд, заслуживает и наблюдение Погодина (как современника и историка), согласно которому главная из причин «неудачи русско-польского примирения» заключалась в нашем «полном взаимном незнакомстве и непонимании» (там же, VI). Справедливости ради надо сказать, что Дьяков, пусть мельком, но отметил эти слова Погодина (Дьяков 1981, 155), однако не счел нужным развить саму идею, в них заложенную. Эта горькая констатация Погодина возвращает нас к восприятию польского вопроса образца 1863 г.

Одним из свидетельств тому служит краткий очерк издателя и переводчика Ф. Д. Каширина⁵, предварявший публикацию на русском языке брошюры Иоахима Лелевеля «Польша и Испания. Историческая между ними параллель в XVI, XVII и XVIII столетиях» (1863), где русский автор, рассуждая о причинах безуспешности решения польского вопроса в России, приходил к выводу, что таковыми были «наше общественное бессилие, безучастие, наша бездеятельность, а главное – наше незнание» (Каширин 1863, I). Иначе говоря, здесь акцентируется не только зависимость успехов отечественной полонистики от состояния польского вопроса, но и зависимость обратная, – влияние работанности истории Польши в русской литературе на возможность разрешения польского вопроса. (Аржакова 2010b, 137–138).

⁴ Сиротинин Андрей Николаевич (1864–1922) – филолог, писатель, переводчик. Выпускник Московского университета (1888), учитель русского языка в гимназиях Варшавы (1903–1915), печатался в журналах «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», «Русский архив», «Исторический вестник», переводил произведения Адама Мицкевича, Ярослава Врхлицкого, Антона Ашкерца и др. Основные труды: Россия и славяне (Санкт-Петербург, 1913), С родных полей. Не свои стихи (Петроград, 1916). Подробнее см.: Славяноведение 1979, 306.

⁵ Каширин Федор Дмитриевич (1842–1879) – историк и переводчик. См.: Венгеров 1914, 42.

Учитывая более чем сорокалетней давности признание недостаточности знания русским обществом польского прошлого и, по-видимому, непонимания всего «польского», вызывает некоторое удивление, что в 1907 г. Погодин пишет, что польский вопрос – «вдруг оказался одним из самых жгучих вопросов нашей современности» (Погодин 1907, V). Добавив к этому его утверждение о «полном взаимном незнакомстве и непонимании», напрашивается малоприятный вывод: получается, что все усилия русских историков второй половины XIX в., когда особенно интенсивно развивались полонистические исследования в России, не пошли впровок ни общему знанию о Польше и поляках, ни, как ожидали некоторые, разрешению польского вопроса. Как тут не вспомнить мнение рецензента Сиротинина?

При всей информационной насыщенности эта глава монографии Погодина производит несколько противоречивое впечатление. Рисуя мрачную картину крайнего обострения русско-польских отношений в эпоху Январского восстания, он спешит внести ряд уточнений: «горечь негодования была направлена не столько против самих поляков, сколько против европейских держав, подстрекавших поляков на восстание», а также, опираясь на свидетельства русских современников событий, сообщить, что:

русское общественное мнение делало в своей оценке восстания коренное различие между самой Польшей, с одной стороны, и Литвой, и Юго-Западным краем, с другой. Если с поляками из Царства считали возможными известные примирительные соглашения, то участие поляков литовских и украинских в восстании возбуждало всеобщее негодование. [...] Притязания поляков на Литву наткнулись на протест среди русских либералов, сделав невозможными дальнейшие попытки створиться (Погодин 1907, 7).

Особое внимание Погодин обращает на то обстоятельство, что на волне восстания правительственные круги Петербурга по-своему стремились отстаивать права польской национальности, давая понять, что «борьба велась [...] не с народом польским, а только с его высшими классами, духовенством и шляхтой» (там же). Погодин напоминал, что в подчеркнуто антишляхетском духе выступала и официальная газета «Русский Инвалид», которая (будто выписывая рецепт) твердо заявляла:

Чтобы покончить борьбу, России [...] следует покончить [...] со всеми преданиями шляхетства и противопоставить сословным поползновениям действительный народ, самостоятельный и понимающий свою самостоятельность (там же, 17).

Если самые верные проводники имперской политики медленно, но верно приходили к мысли, что «поляк всегда изменник» (там же, 26), возникает вопрос: почему разрешение этой проблемы они неизбежно видели «только

в соединении России и Польши новыми и теснейшими узами» (там же, 12)? Ответа на этот вопрос Погодин не дает, впрочем, не обнаруживая склонности и к самой постановке вопроса. Зато, учитывая, что «в ту же пору Крашевский доказывал, что москаль – человек, совершенно лишенный нравственного чувства», Погодину, стремившемуся как можно полнее охарактеризовать общественную атмосферу того времени, оставалось лишь резюмировать:

эта горячность с обеих сторон показывала, до чего раздражены друг против друга польское и русское общество; но последнее опиралось на правительство, да и в Варшаве оно являлось представителем власти. Чувствовалось, что ближайшая политика не будет иной, кроме русификаторской, и были люди, которые уже в ту пору отлично понимали это (там же, 18).

Будто опровергая свой изначальный тезис, согласно которому в 1904 г. польский вопрос «вдруг оказался одним из самых жгучих», Погодин приводит выдержку из «Очерков Привислянъ» В. И. Гурко, содержание которых не оставляло сомнений в том, что польский вопрос и до того практически не сходил с повестки дня внутренней политики империи.

С 1883 года русская политика в польском вопросе вступила в последний, но самый трудный период его окончательного разрешения: путем беспристрастного, но постоянного воздействия на польский народ в смысле искоренения в нем тех его особенностей, которые отделяют его от России, постепенно ввести его в русскую семью, – вот к чему она сводилась (там же, 18–19; Гурко 1897, 16–17).

Нельзя не заметить, что данное суждение Гурко, вполне солидарного с М. Н. Катковым⁶, который как «чуткий публицист понял, в какую сторону дует ветер, и пустил крылатое слово об уничтожении самой польской народности, как задаче правительства в Польше» (там же, 19), не вполне стыкуется с мнением Погодина по поводу того, что:

С началом 80-х годов из русской публицистики надолго исчезает теоретическое рассмотрение польского вопроса. Происходит это не от того, что в Польше все обстоит благополучно, а потому, что в эпоху страшной реакции, последовавшей за катастрофой 1 марта, мало кто и думал в России о польском вопросе (Погодин 1907, 41).

⁶ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – литературный критик, журналист, публицист. Выпускник Московского университета (1838), сотрудник журналов «Московский наблюдатель» (1838–1839) и «Отечественные записки» (1839–1841), редактор газеты «Московские ведомости» (1851–1855, 1863–1887), редактор-издатель журнала «Русский вестник» (1853–1887). Главные труды: Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. 1863 год. Вып. 1-3 (Москва, 1887), Собрание передовых статей «Московских ведомостей». Вып. 1–25 (Москва, 1887–1897). Подробнее см.: Славяноведение 1979, 178–179.

При этом автор «Главных течений...» не спешил вдаваться в разъяснения, каким образом в пору окончательного разрешения польского вопроса – в политическом смысле, этот вопрос мог надолго исчезнуть из русской публицистики. Что отчасти дает основание согласиться с В. П. Бузескулом⁷, считавшим, что при всех достоинствах Погодина-историка, его труды порой «носят следы крайней спешности, [...] и несогласованности» (Бузескул 2008, 379). Так, Погодин, видимо, не замечал, что входил в противоречие с А. Н. Пыпиным⁸, на суждениях которого он достаточно подробно остановился в первой главе своей монографии (Погодин 1907, 38–41), и который в 1880 г. писал, что «в литературе нашей польский вопрос появляется очень недавно» (Пыпин 1880а, 706). Правда, такого рода нестыковки не влияют на общее представление о позиции Погодина в польском вопросе, важнее все-таки тот вывод, который делал Погодин «из этого поневоле краткого обзора идеологии русских отношений к польскому вопросу после 1863 г.» (Погодин 1907, 54). Погодину было совершенно ясно, что «политика сильной русской власти, опирающейся на крестьянство и воинственной по отношению к другим сословиям, оказалась политикой неудачной и сама в себе изверилась» (там же, 55). И потому, развивая свой изначальный (не слишком удачно сформулированный) тезис о внезапно проявившейся в 1904 г. жгучести польского вопроса, Погодин не мог не отметить:

С конца 90-ых годов в русской печати (в «Петербургских Ведомостях» 1897 г.) раздаются сочувственные голоса в пользу признания национальных прав польского народа. После 12 декабря 1904 года, когда пресса получила известную свободу, эти голоса становились все дружнее и многочисленнее, пока, наконец, во многих газетах левого лагеря (особенно в «Руси») не был провозглашен принцип автономии, как наиболее желательного разрешения польского вопроса. Русское общественное мнение, сказавшееся в этих голосах и поддерживавшее их, окончательно оставило в польском вопросе тот путь, на который оно вступило после восстания 1863 года (там же, 54).

⁷ Бузескул Владислав Петрович (1858–1931) – историк, антиковед, востоковед, византист, историограф. Выпускник (1880), затем профессор Харьковского университета (1885–1924), академик Академии наук СССР (1922), академик Украинской академии наук (1925), автор фундаментального труда «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века», первое издание – Ленинград, 1929, 1931, полное издание – Москва, 2008. Подробнее см.: Тункина 2008, 11–42; Матвеева 2008.

⁸ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – историк культуры, литературовед, публицист, этнограф, археолог. Профессор Петербургского университета (1860–1861), сотрудник журналов «Отечественные записки», «Современник», «Вестник Европы». Член Археографической комиссии (1860–1866), член-корреспондент (1891), академик (1898) Российской академии наук. Автор многочисленных научных трудов, среди которых «Обзор истории славянских литератур» (Санкт-Петербург, 1865) (в соавторстве с В. Д. Спасовичем), 2-е, переработанное издание – «История славянских литератур». Т. 1–2 (Санкт-Петербург, 1879–1881); «История русской этнографии». Т. 1–4 (Санкт-Петербург, 1891). Подробнее см.: Славяноведение 1979, 286–289; Аксенова 2004, 14–58.

О большем, чем предоставление полякам автономии, русская сторона не помышляла. О большем не помышлял и Погодин, будучи уверен, что «не вне русского государства, а в пределах его, при доверии к Польше со стороны русского правительства и общественного мнения, она может развить все свои национальные силы» (там же, 4). При всех своих симпатиях к славянам, Погодин, как принято считать, резко негативно воспринимал славянофильскую идеологию (Лаптева 2012, 433). Однако в его монографии 1907 г. находим внимательное, даже сочувственное отношение к позиции Антония Вротновского⁹, по мнению которого, «чистая славянская идея представляет единственную основу, на которой Россия должна построить свою политику по отношению к славянским народам» (Погодин 1907, 391). Впрочем, такого рода развороты в русской общественной мысли не были редкостью, достаточно вспомнить, что западник Пыпин, неоднократно, как и его единомышленники (Koprowski 2012), вступавший в жаркую полемику со славянофилами, тоже порой заимствовал идеи из арсенала оппонентов (Пыпин 1880b, 306).

С началом Первой мировой войны польский вопрос снова был выдвинут на первый план международной политической жизни, едва ли не больше, чем прежде, требуя к себе внимания со стороны историков и публицистов. Такой знаток предмета, как Погодин оказался на высоте: в 1915 г. в свет выходит его монография «История польского народа в XIX веке». Уверенный в том, что наступило время, когда польский вопрос «будет разрешен в форме автономии Польши, связанной с Россией государственным единством с глубокой верой в великое и прекрасное развитие благородного польского народа», историк, по его словам, испытал «неудержимое стремление охватить в цельном очерке» историю польского народа (Погодин 1915а, I).

Как уже отмечалось, в контексте полонистического наследия Погодина отечественные историографы оставляли первенство за его монографией 1907 г. Не исключено, что этому способствовало признание самого Погодина в том, что его книга 1915 г. «не представляет [...] глубокого исследования по первоисточникам и архивным материалам» (там же). Однако содержание этой монографии убедительно доказывает, что она не только является своего рода итогом его полонистических занятий, но и заметно корректирует историографические установки в том, что касается характера исторического развития Польши. Нельзя не отметить и ту высокую ноту, на которой была создана книга:

История польского народа в XIX веке одна из самых поучительных страниц в истории человечества. Народ, потерявший в конце XVIII в. свое государственное существование, [...] разрезанный разделами на части, присоединенные к сильным

⁹ Вротновский Антоний (Wrotnowski Antoni) (1823–1900) – польский общественный деятель, один из варшавских позитивистов, автор книги «Pogorzbiowe aspiracje polityczne narodu Polskiego» (1898). Погодин использует львовское издание (1882) книги.

государствам, – этот народ объединился в своем национальном сознании, создал при самых тяжелых политических условиях могучую национальную культуру и сложился в народ государственный, зрелый для нового государственного существования (там же, I–II).

В одном этом тезисе Погодину удалось передать ключевую идею книги и свойственное ему понимание польского исторического опыта. Великолепный знаток исследуемой эпохи, Погодин здесь отчетливее, чем прежде излагает свою трактовку причин гибели Речи Посполитой. Когда он пишет, что эта гибель в конце XVIII в. была неизбежна в силу международных отношений, он, казалось бы, не сообщает ничего нового, ведь известно, что русская (и не только) историографическая традиция XIX в. исходила из того, что гибель Польши была predetermined в большей мере внутренними причинами. Ту же смысловую нагрузку обнаруживаем и в современной констатации: «А. Л. Погодин коротко останавливается на причинах раздела Речи Посполитой и видит их в “странном государственном быте” Польши» (Лаптева 2011, 36; Лаптева 2012, 451). Все так, Погодин действительно отмечал, что «Европа дивилась на странный государственный быт королевства» (Погодин 1915а, 1), но, что важно, не указывал на эту странность как на причину разделов. Зато, когда он писал, что «политическая гибель стала неизбежна», он делал акцент на том, что «главным фактором, вызвавшим эту трагедию, явилось соперничество двух держав, которые были разделены Речью Посполитой: это были Россия и Пруссия» (там же). Иными словами, русский историк прямо давал понять, что в падении Польши существенно превалировали причины внешние.

Единственный шанс Польши на спасение, по мысли Погодина, заключался в том, чтобы пойти с одним из государств-соперников, либо «не пойти ни с одним, но в этом последнем случае она должна была обладать достаточной силой» (там же). Была ли у Польши такая сила? На первый взгляд, нет. Однако, если учитывать те опасения, какие внушали России и Пруссии известия, поступающие из Варшавы весной 1791 года и свидетельствовавшие о начавшемся восстановительном процессе, ответ будет другим. Не только демонстрация готовности к реформированию, но и первые шаги в проведении намеченных реформ, ознаменованных провозглашением Конституции 3 мая, косвенным образом доказывали если не саму силу, то внутренний потенциал, гарантировавший возрождение страны, но – при условии невмешательства извне.

Когда за плечами остались годы, насыщенные плодотворной работой, Погодин уже мог уверенно заявить: «Если бы эти реформы осуществились, то Польша, все еще очень обширная, превратилась бы в достаточно сильное государство» (Погодин 1915а, 3). Неоспорима правота Погодина и в том, что

поколение Четырехлетнего сейма, не сумев спасти родину политически, тем не менее, обеспечило спасение польского народа от национальной гибели (Погодин 1912, 16).

Понадобилось немало времени, прежде чем «был опровергнут тезис о якобы противоестественном состоянии анархии и упадка» Речи Посполитой, прежде чем современная историография приняла концепцию «естественного развития Польши и пагубного влияния на него внешних сил» (Носов 2004, 8). К такому пересмотру взглядов в начале XX в. очень близко подошел Погодин, уровень полонистических изысканий которого, пожалуй, превзошел уровень высоко ценимых в научной среде польских трудов Кареева. Однако свойственная Погодину превосходная степень проработки и осмысления польского материала, позволявшая ему делать выводы, выходящие за рамки общепринятых в российской историографии представлений, как раз говорит о том, что до этой вершины он дошел один.

Библиография

- АКСЕНОВА, Е. П. (1995), К истории русской научной эмиграции в Югославии (Письма А. Л. Погодина А. В. Флоровскому). В: Славяноведение. 4, 78–83.
- АКСЕНОВА, Е. П. (2004), А. Н. Пыпин о славянстве. Москва.
- АРЖАКОВА, Л. М. (2010а), Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века. В: Славяноведение. 1, 51–60.
- АРЖАКОВА, Л. М. (2010b), Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. Санкт-Петербург.
- БУЗЕСКУЛ, В. П. (2008), Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Москва.
- ВЕНГЕРОВ, С.А. (1914), Источники словаря русских писателей. Т. III. Карамышев – Ломоносов. Петроград.
- ГУРКО, В. И. (1897), Очерки Привислянья. Москва.
- ДЬЯКОВ, В. А. (1981), Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX века (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев). В: История и историки. Историографический ежегодник 1978. Москва, 147–161.
- ИВАНОВ, Ю. Ф. (2007), Жизнь и творчество Н. Н. Любвича. В: Вопросы истории славян. 18, 168–190.
- КАРЕЕВ, Н. И. (1990), Прожитое и пережитое. Ленинград.
- КОВАЛЬЧУК, Н. (2016), Сербська тематика у науковій та публіцистичній діяльності Олександра Погодіна. В: Українсько-сербський збірник «Украс». 8 (2013), 130–141.
- КОСИК, В. И. (2009), Русская эмиграция в Югославии. В: В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вторая половина XIX – первая половина XX в. Москва, 10–50.
- ЛАПТЕВА, Л. П. (2006), Александр Львович Погодин (1872–1947) как исследователь истории славян. В: Средневековый город. Межвузовский научный сборник. Вып. 17. Саратов, 166–184.
- ЛАПТЕВА, Л. П. (2010), Социально-экономическое положение и политическая ситуация славянских народов перед Первой мировой войной в освещении А. Л. Погодина. В: Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Москва, 266–278.

- ЛАПТЕВА, Л. П. (2011), Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и творчество (1872–1947). Москва.
- ЛАПТЕВА, Л. П. (2012), История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. Москва.
- ЛАПТЕВА, Л. П. (2015), А. Л. Погодин как исследователь новой истории западных и южных славян. В: Новая и новейшая история. 1, 166–185.
- МАТВЕЕВА, Л. В. (2008), Владислав Бузескул – историк своего времени. Киев.
- НОСОВ, Б. В. (2004), Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768. Москва.
- ПАВЛОВА, Т. Г. (2010), Харьковская профессорская эмиграция 20–30-х годов XX века. В: Университеты. Наука и просвещение. 1(40), 30–50.
- ПАШУТО, В. Т. (1992), Русские историки-эмигранты в Европе. Москва.
- ПОГОДИН, А. Л. (1907), Главные течения польской политической мысли (1863–1907). Санкт-Петербург.
- ПОГОДИН, А. Л. (1909а), Очерк истории Польши. Москва.
- ПОГОДИН, А. Л. (1909b), История Сербии. Санкт-Петербург.
- ПОГОДИН, А. Л. (1910), История Болгарии. Санкт-Петербург.
- ПОГОДИН, А. Л. (1912), Адам Мицкевич. Жизнь и творчество. Т. 1. Москва.
- ПОГОДИН, А. Л. (1915а), История польского народа в XIX веке. Москва.
- ПОГОДИН, А. Л. (1915b), Краткий очерк истории славян. Москва.
- ПОГОДИН, А. Л. (1915с), Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. Москва.
- ПЫПИН, А. Н. (1880а), Польский вопрос в русской литературе. В: Вестник Европы. 2.
- ПЫПИН, А. Н. (1880b), Польский вопрос в русской литературе. В: Вестник Европы. 11.
- РОБИНСОН, М. А. (ред.) (1996), Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1996). Москва.
- СЛАВЯНОВЕДИЕ (1979), Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь, (1979). Москва.
- СЛАВЯНОВЕДИЕ (1988), Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян, (1988). Москва.
- СОЛОВЬЕВ, А. В. (1958), Александр Львович Погодин (к десятилетию со дня кончины). В: Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 23, 57–59.
- ТУНКИНА, И. В. (ред.) (2008), Академик В. П. Бузескул и судьба его книги «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века». В: Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Москва, 11–42.
- УСПЕНСКАЯ, Э. (2012), А. Л. Погодин о Ф. М. Достоевском. В: Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении. Белград, 149–160.
- BORTNOWSKI, W. (1963), A. Pogodin jako popularyzator historii Polski i „spraw polskich” w Rosji w latach 1904–1915. W: Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. 1/30, 139–156.
- BORTNOWSKI, W. (1980), Aleksander Pogodin, przyjaciel Polaków i popularyzator historii Polski w Rosji. W: Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 174–192.
- KOPROWSKI, P. (2012), Iwan Turgieniew wobec sporów między okcydentalistami i słowianofilami w latach czterdziestych XIX wieku. W: Przegląd Wschodnioeuropejski. III, 385–409.
- SIELICKI, F. (1978), Aleksander Pogodin. W: Ruch Literacki. XIX/4/5, 333–339.